

ПЕРЕЖИВАНИЕ ВРЕМЕНИ В ПЕРИОД КРИЗИСОВ*

© 2000 г. К. Муздыбаев

Канд. психол. наук, вед. науч. сотр., ИС РАН, Санкт-Петербург

Изучается временная перспектива, временная ориентация и аттитюды к прошлому, настоящему и будущему в условиях экономического кризиса. Вводится понятие “нулевое время”. Выборка – 700 человек из 7 социальных групп. Выявлено: у большей части респондентов временная перспектива сильно сокращена или не определена; значительное количество опрошенных испытывают временную дезориентацию (преимущественная ориентация на прошлое и неопределенность временной ориентации); настоящее время оценивается как исключительно негативный процесс, а прошлое – как позитивный. Оптимизм, диспозиционная надежда, интернальный локус контроля, высокое самоуважение значимо влияют на дальность временной перспективы и выбор ориентации на настоящее и будущее. Ориентированные на настоящее (в большей мере и на будущее) преимущественно выбирают эффективные виды стратегии совладания с материальными трудностями: личностную адаптацию, рациональную когнитивную и рациональную поведенческую стратегии. Респонденты, ориентированные на прошлое, наоборот, выбирают неэффективные, пассивные формы стратегии.

Ключевые слова: временная перспектива, временная ориентация, аттитюды к прошлому, настоящему и будущему, нулевое время, надежда, ожидание, локус контроля, оптимизм и пессимизм, самоуважение, эгоизм, стратегия совладания с жизненными трудностями.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Введение. При распаде государства, во времена социальных катаклизмов, в периоды экономических кризисов нарушаются ритм и темп жизни, растраивается синхронность социальных процессов, затрудняется координация жизненных событий. Больше того, в подобную пору внезапно и принудительно могут быть изменены ценности и приоритеты в обществе, отменены одни виды деятельности людей и введены другие. Естественно, что в такие периоды у людей возникает, по словам Тойнби, “болезненное чувство утраты жизненного порыва” [14, с. 368]. Многим кажется, что они выпадают из необратимого жизненного потока, поскольку не могут приспособиться к новым и большей частью чрезмерным требованиям обстоятельств. Такого рода перемены в жизни серьезно влияют на переживание человеком времени, в особенности, на временную перспективу и отношение к прошлому, настоящему и будущему. Изменение же временных параметров, в свою очередь, воздействует на мотивацию личности, ее активность и способность совладать с жизненными вызовами.

В данной работе будут проанализированы результаты нашего исследования переживания времени представителями разных социальных групп. Предмет исследования – временная перспектива россиян, их ориентация на прошлое, настоящее и будущее, и аттитюды к настоящему и прошлому. Поэтому сначала коротко рассмотрим понятия

временной перспективы и временной ориентации. При этом обсуждение темы будет подчинено главным образом более точному и, насколько возможно, более полному анализу сформулированных нами задач.

Понятие времени. Время есть, прежде всего, *длительность* бытия человеческой жизни. Жизнь и деятельность личности разворачивается, упорядочивается и реализуется в определенном отрезке времени. Из отмеренности существования вытекает проблема *конечности*, *временности* человеческого бытия. В этой последней характеристике времени заключены его трагизм и фатальность. Время ведь течет однонаправленно, асимметрично и *необратимо*. Невозможно замедлить, остановить его течение, невозможно вернуться в прошлое, нельзя внести коррективы в минувшее. “Наша жизнь ... ужасна не тем, что призрачна, – сетовал Борхес, – она ужасна тем, что необратима и непреложна. Мы сотканы из вещества времени. Время – река, которая уносит меня, но эта река – я сам; тигр, который пожирает меня, но этот тигр – я сам; огонь, который меня пепелит, но этот огонь – снова я”¹ [1, с. 155].

¹ Время является очень интимным, личностным понятием. Именно поэтому отождествление себя со временем довольно широко распространено. Мы создаем понятие о времени и “позднее нам брезжит, что и сами мы, поскольку живем, *являемся временем*”, – утверждал Шпенглер [18, с. 278]. “Время – это я, а я – это мною улавливаемая длительность”, – пишет Мерло-Понти, анализируя временную концепцию Бергсона [8, с. 171].

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (№ 97-06-08071).

Время является не только мерой длительности бытия, оно представляет собой также *меру осуществленности*, реализованности бытия. Недаром итальянская поговорка гласит: "Человек измеряет время, а время измеряет человека". Касается ли это политика или ученого, предпринимателя или инженера, фермера или рабочего, безработного или домохозяйки, значимость человека состоит в том, смог ли он стать хозяином своего времени. Конечно, в кризисные годы тяжесть бытия возрастает неимоверно. События даются человеку не в обычной последовательности, а беспорядочно, беспредельно. В подобные экстремальные периоды время не поддается управлению и не каждому удается совладать с требованиями ситуации.

Все мы живем в *социальном (и историческом) времени* и как раз оно определяет круг наших возможностей. И выйти за его границы мы не можем. В социальном плане возможности эпохи, ресурсы нации и есть возможности и ресурсы отдельного человека, рожденного в той или иной стране, в ту или иную эпоху. Осознание историчности событий, сопоставление национальных различий, ретроспективное осмысление ближайшего и отдаленного прошлого страны нередко усиливают драматизм переживания времени. Тем не менее даже в заданных пределах достижения людей сильно варьируются в зависимости от личностных качеств, принадлежности к определенной социальной сетке и др.

Поскольку представление о времени конструируется социально, аттитюды ко времени и ориентация людей на прошлое, настоящее и будущее отражают их жизненные установки и ценности. Дело в том, что все жизненные события, цели и средства, надежды и чаяния людей располагаются вдоль оси времени, образующей временную перспективу.

Временная перспектива. Наступление одних событий человек планирует в отдаленном будущем, а появление других он ожидает в ближайшем. Он также может черпать силу или вновь страдать, вспоминая и очень давнюю историю. Протяженность времени, где размещаются жизненные события, называется *временной перспективой*. Однако события вдоль оси времени локализируются не беспорядочно. Они выстраиваются последовательно и причинно взаимосвязанно. Такое упорядочивание жизненных целей и событий диктуется необходимостью подготовки к ним и обязательностью учета социальных установлений и внешних обстоятельств.

Чем насыщеннее временная перспектива событиями, планами и надеждами, тем интенсивнее, содержательнее жизнь человека. И наоборот, чем меньше надежд, планов на будущее и реальных событий на временном горизонте, тем беднее и бессодержательнее его жизнь. Еще К. Левин

отмечал, что временная перспектива удлиняется с возрастом: "Маленький ребенок живет настоящим; его временная перспектива включает только непосредственное настоящее и прошлое" [31, с. 75]. Краткосрочность временного горизонта, по его мнению, характеризует "примитивность поведения". Более поздние экспериментальные исследования подтвердили эти наблюдения Левина. Так, А. Лебланк сравнивал временную перспективу пяти возрастных групп. Оказалось, что дети 10–12 лет не заглядывают далеко в будущее, у них самая короткая временная перспектива. Юноши 14–17 лет уже существенно ее удлиняют, но рекордной дальности достигает временной горизонт в возрасте 18–24 лет у студентов колледжа. Хотя считается, что пожилые люди живут настоящим и прошлым [20, с. 76], в эксперименте Лебланка испытуемые в возрасте 65–90 лет сохраняли довольно продолжительную перспективу. Правда, одна возрастная группа нарушила эту тенденцию: бизнесмены 35–64 лет имели укороченный временной горизонт. Возможно, непродолжительность их временной перспективы как-то объясняется характером профессиональной деятельности, связанной с неизвестным экономическим риском [28].

Сейчас уже доказано, что формирование временной перспективы (реалистичная организация ее структуры, четкое обозначение в ней жизненных целей, ее непрерывность и др.) является результатом социализации. Эксперименты неоднократно обнаруживали, что, например, у делинквентных юношей будущая временная перспектива всегда укорочена, тогда как не делинквентные юноши осмысливают свою жизнь на значительный период [39].

Временная перспектива, в которую отдельный индивид или социальная группа помещают жизненные цели и средства, серьезно влияет на повседневное поведение. По наблюдению Франка, автора одной из ранних работ по этой теме, бережливость, умеренность, предусмотрительность целого социального класса являются следствием укороченной временной перспективы, когда предметом заботы оказываются только ближайшие события [23, с. 297]. Не удивительно поэтому различия в поведении детей из начальных и средних классов. Как установил Л. Лешан, дети из начальных классов видят мир в краткосрочном отрезке времени, они реже планируют что-либо и менее интенсивно реагируют на угрозы наказания и обещания вознаграждать в будущем, чем дети из средних классов [30].

Отсутствие жизненных планов, как правило, связано с отсутствием позитивного образа будущего. Отсюда и сопротивление к переменам. Однако противодействия планируемому развитию могут происходить и из обязательств к прошлому.

Вопреки бытующим концепциям, что ориентация на будущее представляет собой более или менее универсальную модель развития, существуют и образцы поведения, ориентированные только на настоящее или прошлое.

Ориентация на прошлое, настоящее или будущее. Процесс социализации навязывает индивиду конкретную ориентацию, обусловленную тем, какую временную зону данная культура предпочитает: прошлое, настоящее или будущее. Но что означает для общества и для личности преимущественная ориентация на какую-то одну зону?

На первый взгляд кажется, что коль скоро время течет от настоящего к будущему, то и преобладать должна ориентация на настоящее или будущее². Преимущественный выбор настоящего предписывал бы жить сегодняшним днем, не особенно оглядываясь назад и не слишком заботясь о дне завтрашнем. Такая модель времени исключает влияние традиции, нравов, обычаев и учета опыта прежних поколений и не предполагает формирование определенного будущего, связанного с настоящим и прошлым. Все ресурсы тратятся сразу, без учета предстоящих потребностей. Ориентация только на будущее демонстрировала бы пренебрежение не только традициями и достижениями прошлого, но и игнорировала бы счастье и благополучие людей, живущих сегодня. Эта модель все подчиняет услугам будущего, жертвуя нынешним и прошлым. Вот как когда-то ориентировали наше общество на будущее: «Вперед, время! Время вперед! Вперед, страна, скорей, моя! Пускай старое сотрет! Вперед, время! Время вперед! Шагай, страна, быстрее, моя! Коммуна – у ворот»³ [7, с. 542–543]. Или: «В карете прошлого – никуда не уедешь» – эта фраза стала даже крылатой [3, с. 175]. Но и нынешние реформы, устремленные в будущее, начались с отрицания прошлого.

Временная ориентация исключительно на прошлое свидетельствует об обращенности культуры к традициям, опыту и достижениям былых поколений. В подобном обществе предпочтение отдается сохранению сложившегося порядка, повторению или, по крайней мере, сходству с налаженным образом жизни.

В основе временного пристрастия лежит ценностная ориентация общества. Одни видят главные ценности в прошлом, другие помещают их в настоящее, третьи усматривают ценности только

в будущем. Вот почему деление культур по ориентации на ту или иную временную форму является употребительным способом их типологии. Так, Ф. Клакхон и Ф. Стродбек [26, с. 14–15] причислили Китай к культуре, поглощенной прошлым, Америку – к типу, обращенному в будущее, а американских испанцев – к виду культур, ориентированных на настоящее. По их наблюдению, стиль жизни американских испанцев не предусматривает планирование будущего, потому что они не считают, что завтрашний день будет лучше, чем сегодняшний или вчерашний. Ориентация же самих американцев объясняется другими соображениями. Они лишь не хотят, чтобы их считали приверженцами старых идеалов. Прошлое ими не признается хорошим только потому, что оно является прошлым. Кроме того, американцы, по мнению этих исследователей, редко бывают довольны настоящим. Китайцы же, пишут они, ориентированы на прошлое из уважения к предкам, благодаря сильной семейной традиции. Мировоззрение китайцев, считают Клакхон и Стродбек, не допускает, что может случиться что-то новое в настоящем или произойти в будущем.

Понятно, что каждая типология упрощает и схватывает основные, доминирующие признаки явления. Ибо прошлое, настоящее и будущее причинно взаимосвязаны и взаимообусловлены. В каждой временной зоне присутствуют, как заметил А. Уайтхед, «объективные необходимости», с которыми должны сообразоваться другие зоны. «Существование актуальных событий прошлого, функционирующих в событиях настоящего, образует каузальную взаимосвязь, которая является действующей причинностью», – писал он [15, с. 596]. Если прошлые события детерминируют настоящие, то нынешние события тем более не могут не влиять на будущие. Возможности будущего скрыты как в настоящем, так и в прошлом [19, с. 155]. В то же время, утверждал Уайтхед: «Отбросьте будущее – и настоящее опустошится и разрушится» [15, с. 592]. Интеграционный подход рождается не только из философского анализа, но и из человеческого ощущения связи прошлого, настоящего и будущего. Такое ощущение выразил в одном из своих стихотворений М. Унамуно:

«Я жив, пока могу вернуться к дому,
Бильбао, к твоему гнезду родному,
где я птенцом отправился в полет,
где воздух пахнет будущим, как прежде,
а прошлое мне снова о надежде
в саду, как птица вещая, поет» [16, с. 32–33].

Тем не менее, как и культуры, так и отдельные люди, по данным многочисленных исследований, бывают преимущественно ориентированы на одну из временных зон. В личностном плане ориентация на будущее связана с мотивацией достиже-

² Обнаружено, например, что экстерналы воспринимают течение времени в обратном направлении: от настоящего к прошлому, в отличие от интерналов [34]. Поток времени от будущего к настоящему и прошлому имеет и свое философское обоснование [22, с. 40–42].

³ Другое стихотворение, рассчитанное на социализацию детей и юношества, названо: «Выволакивайте будущее» («Будущее не придет само, если не примем мер. За жабры его, – комсомол! За хвост его, – пионер!») [6, с. 419–420].

ния и с чувством возможного в предстоящие периоды жизни. Ведь человек зачастую стремится к целям, которые не присутствуют в настоящем, а находятся в ближайшем или отдаленном будущем, а иногда даже за пределами собственной жизни. По этой причине побудительные мотивы и поведенческие акты анализируют не только по содержанию, но и по временной их локализации [29, с. 25].

Абсолютизация ориентированности на будущее проистекает из теоретической претензии увидеть человека в определенном свете. С точки зрения экзистенциалистов, например, человек есть существо устремленное в будущее. Однако, как показали эксперименты, ориентированы на будущее не все люди, а лишь те, кто обладает определенными качествами: здоровые и социализированные личности по сравнению с делинквентами и страдающими от психических проблем; школьники и студенты, добивающиеся более высоких учебных показателей, а не те, кто имеет низкие отметки; дети из более состоятельных семей, нежели из менее обеспеченных; интерналы по сравнению с экстерналами и др. (см. обзор исследований [40, с. 69–76; 21, с. 149–150]).

Хотя результаты ряда исследований противоречивы, имеются данные о том, что больные проявляют меньшую степень ориентированности на настоящее, чем здоровые люди, а студенты, употреблявшие марихуану, чаще отдадут предпочтение прошлому, нежели студенты, не потребляющие ее [40, с. 69–76]. То есть психические расстройства, алкоголизм, делинквентность тесно коррелируют с временной дезориентацией [27, с. 37, 76].

Исследования восприятия времени представителями разных социальных групп демонстрируют, что низший класс западных обществ ориентирован на традицию, на историческое прошлое, тогда как средний устремлен на достижение нового и на будущее. Низший тяготеет к сохранению существующего порядка, средний жаждет прогресса, улучшения [21, с. 110]. Консерватизм или осторожность низшего класса, по всей видимости, не беспочвенен, поскольку плоды перемен распределяются в обществе неравномерно и неизвестно, выиграет ли низший класс от изменений.

Даже когда одна из зон времени превалирует в ориентациях при стабильном развитии общества, остальные две в той или иной степени интегрированы в предпочитаемую форму времени. Ибо каждое общество, как и отдельная личность, имеет дело со всеми тремя видами времени в их последовательности и непрерывности. Однако отношение к временным формам не бывает нейтральным. В каждом обществе можно обнаружить группы людей, жаждущих изменить ход времени

в том или ином направлении. Такие иррациональные по сути попытки идут от незнания последствий разрыва временного континуума, от нетерпения, а зачастую просто от сочетания авантюризма, эгоистических побуждений и безответственности. Как бы то ни было, социальные катаклизмы иногда действительно приводят к разрыву временной последовательности, более того, может установиться даже безвремье, когда исчезает не только прошлое, но настоящее и будущее. Безвременье иначе именуют “бедовым”, “взрывным”, “нулевым”, “расстроенным” временем [4, с. 59; 24, с. 33; 32, с. 5; 25, с. 95].

Нулевое время – это период распада социальной системы, являющийся результатом взрывных процессов. В момент времени $t = 0$ социальная система как бы совершает прыжок из одного состояния в другое [32]. В фазе скачка “трансформация” осуществляется внезапно, быстро и практически необратимо. Происходит тотальный обвал прежнего социального порядка, на смену которому приходит длительный хаос. Ибо социальные взрывы всегда сопровождаются процессами разрушения социальных институтов, дезорганизацией привычного образа жизни, временной дезориентацией и деидентификацией в личностном и культурном планах. Время теперь воспринимается людьми как бы застывшим, остановившимся, признаком чего выступают, с одной стороны, разрыв в их биографии (прошлое, настоящее и будущее никак не связываются) и разрыв в социальных узах (потеря работы, трудность передвижения, утрата личных контактов и т.п.), а с другой – неподвижность в вещном мире личности (не обновляется одежда, обувь, домашняя утварь, обстановка и т.п.)⁴. Поэтому нулевое время осознается индивидом как неаутентичное, оно является мощнейшим стрессором.

Вместе с тем создание нового порядка затягивается. Дело в том, что внезапная и радикальная потеря стабильности и социо-культурной непрерывности в обществе сменяется продолжительной “бесформенностью” и блуждающими социальными процессами. Как писал Ю.М. Лотман, в момент взрыва все механизмы причинности отключаются и выбор будущего реализуется как случайность [5, с. 28]. Поскольку преемственность в нулевом времени минимизирована, а иногда ей просто отказано в существовании, принимаются действительно спонтанные, непредсказуемые решения. Случайными являются и лица, привлекаемые к устройству нового порядка. Вот почему взрывные процессы ассоциируются с распадом, разрывом жизненных связей, деструктивностью.

⁴ “Пала связь времен, зачем же я связать ее рожден”, – произносит Гамлет, проклиная век, в который он родился [17, с. 93]. Обязанность отомстить за отца видится им как обязанность восстановить справедливость и естественный порядок вещей.

Почему же невозможно быстро создать новый социальный порядок после фазы скачка в обществе? Причина тут не только в неспособности к формообразованию нового правящего слоя. Отсутствие преемственности, т.е. разрыв между прошлым, настоящим и будущим, является практически отказом от солидарности и устранением интеграционных механизмов, поскольку взрывные методы переустройства общества сами по себе исключительно волюнтаристские и насильственные. В отличие от консенсуальных кризисов (стихийные, технологические бедствия), такие диссенсуальные кризисы (социальные конфликты, политические кризисы) труднее поддаются управлению.

Кроме того, особый характер институтов социального порядка требует для своего установления длительный период времени, поэтому безвременье продолжается, пока не создадутся новые социальные институты и полностью не обновится социальная структура с соответствующей самоидентификацией.

Важны здесь также интерпретация и восприятие взрывного способа обновления в обществе. Как верно заметил Лотман, произошедшее случайно трактуется как единственно возможное, исторически предопределенное, а непредсказуемость и спонтанность заменяется закономерностью [5, с. 32]. Подобная, преимущественно официальная оценка свершившегося, объясняется и желанием доказать легитимность новой власти, и стремлением оправдать допущенные ошибки и жертвы. При этом полностью игнорируется то, что официальная трактовка прошлого и настоящего в корне отличается от неофициального взгляда. Последняя базируется не только на восприятии настоящего, но и на сравнении настоящего с прошлым, а также на чувстве возможного в будущем. Время – это судьба человека, и к ней он не может относиться безлично, исходя из навязанной и непредсказуемой целесообразности. Человек, которому надо выжить, все-таки относится к своей судьбе и к своему времени с чувством долга и ответственности.

Оценки прошлого и настоящего россиянами мы увидим ниже. Здесь зоны времени, свидетелями которых мы являемся, обозначим как переход от замедленного времени (до 1985 г.) к блуждающему состоянию (1985–1991 гг.), от блуждающего времени к взрывному, или расстроенному времени (с 1991 г.).

ЗАДАЧИ И ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании мы пытались решить четыре задачи, связанные с переживанием времени в период экономического кризиса в России. Во-первых, необходимо было установить времен-

ную перспективу у представителей разных социальных групп. Во-вторых, требовалось определить типичную временную ориентацию, характерную для разных социальных групп. В-третьих, следовало выявить аттитюды различных категорий людей к прошлому и настоящему. В-четвертых, надо было попытаться выявить личностные и поведенческие корреляты временной перспективы и временной ориентации.

Исходя из поставленных нами задач, первая наша гипотеза состояла в том, что в “нулевое время” у большей части населения, в особенности у тех, кто испытывает материальные затруднения, временная перспектива должна быть сильно укорочена или не определена. Однако ее длина должна зависеть и от ряда личностных черт, функционально связанных с саморегуляцией поведения (интернальный локус контроля, позитивный взгляд на жизнь и др.). Очевидно, что обнаружатся и половозрастные и статусные различия в протяженности временного горизонта. Более продолжительным он должен быть у молодежи по сравнению с представителями других возрастных групп, у руководителей, статус которых требует привычки долгосрочного планирования, и у студентов, образовательная подготовка которых что-то сулит им в будущем. В остальном тенденция должна состоять в более или менее равномерном сокращении временного горизонта у всех групп респондентов.

Согласно второй нашей гипотезе, незначительная часть респондентов должна быть ориентирована на настоящее и будущее, поскольку любые хронические экономические кризисы резко увеличивают неопределенность обстановки. Доминантной должна быть ориентация на прошлое или отсутствие какой-либо временной ориентации. Между тем мы полагали, что несмотря на кризисную ситуацию, возрастные (молодежь), статусные (руководители, студенты), экономические (материально благополучные) и другие личностные факторы (интернальный локус контроля, оптимизм, эгоизм) должны серьезно влиять на выбор временной ориентации личности, а именно ориентацию на настоящее и будущее. Мы предполагали также, что ориентация на настоящее и будущее влечет за собой выбор более активных, более рациональных стратегий совладания с материальными трудностями, тогда как ориентация на прошлое ограничивается защитными, депривационными и пассивными способами совладания с экономическими проблемами. Еще одним следствием данной гипотезы является то, что у ориентированных на настоящее и будущее в жизни должны были произойти преимущественно позитивные перемены, а у ориентированных на прошлое, вероятно, – негативные. Кроме того, субъективное благополучие у ориентированных на

настоящее и будущее должно быть выше, чем у ориентированных на прошлое.

Третья гипотеза исследования тесно связана со второй. Коль скоро кризис сохраняется, неопределенность велика, а доминантной временной ориентацией является прошлое, то все виды аттитюдов к прошлому будут положительными, а аттитюды к настоящему преимущественно негативными. Исключением, пожалуй, должна быть группа, ориентированная на настоящее, аттитюды которых к нынешнему периоду, по всей видимости, достигают по величине аттитюдов к прошлому. Другой детерминантой такого соотношения аттитюдов с прошлым и настоящим должен быть успех в жизни. Вероятно, те, кто выиграл от идущих в стране перемен, обладают более позитивными аттитюдами к настоящему по сравнению с их аттитюдами к прошлому. Очевидно, что ряд личностных черт (позитивный взгляд на жизнь, интернальность, высокое самоуважение) должны способствовать формированию позитивных аттитюдов к настоящему даже в кризисные времена.

МЕТОДИКИ

Выборка составляет 700 человек, которая включает представителей 7 социальных групп приблизительно по 100 человек в каждой: 1) рабочие, 2) служащие бюджетных организаций, 3) служащие частного сектора, 4) руководители учреждений, 5) студенты, 6) безработные и 7) пенсионеры. Последние опрашивались по месту жительства, безработные – в двух районных Центрах занятости населения, остальные 500 человек опрашивались в 28 учреждениях Санкт-Петербурга. Исследование проводилось в ноябре–декабре 1997 г.

Временная перспектива. Для выявления дальности временной перспективы в анкету был включен вопрос: “Учитывая нынешнюю экономическую и политическую ситуацию в стране, на сколько лет вперед вы с уверенностью можете планировать свое будущее?” Для ответа предлагалась следующая шкала: на 1–2 месяца; на полгода; на год, на 2 года; на 3–4 года, на 5–10 лет; на 10 лет и более; затрудняюсь ответить. Поскольку незначительное число респондентов выбрали ответы более 2-х лет, в табл. 1 ответы по четырем градам объединены в одну графу “на 2 года и более”.

Индикаторами временной ориентации на прошлое, настоящее или будущее служили ответы на вопрос: “С каким из следующих суждений Вы бы согласились?” Ответы: “Время, в котором мы сейчас живем, – это мое время” (ориентация на настоящее); “Мое время ушло” (ориентация на прошлое); “Мое время еще не пришло” (ориентация на будущее) и “Затрудняюсь ответить” (неопределенная ориентация).

Аттитюды к настоящему и будущему. Для измерения аттитюдов респондентов к настоящему и будущему нами адаптирована “Шкала аттитюдов ко времени”, разработанная Ньюттенем [33, с. 91]. Данная шкала основана на семантическом дифференциале Осгуда и состоит из 19-ти биполярных прилагательных (см. табл. 4). Ответы даются по 7-балльной системе, где 7 – самая высокая позитивная оценка, 4 – нейтральная, а 1 – крайне негативная. На практике принято применять от 15 до 19 пунктов в зависимости от конкретной временной зоны. Следует обратить внимание на то, что техника Осгуда используется здесь не для того, чтобы выявить семантическое содержание понятий “прошлое”, “настоящее” или “будущее”, а чтобы исследовать разные типы аттитюдов к временным зонам. После анализа корреляционной матрицы и факторизации нами составлены три индекса: “эмоциональное отношение” ко времени, “ценностное отношение” и “личностный контроль” времени. Первый индекс образован на основе следующих пунктов шкалы: приятное–неприятное, безопасное–страшное, прекрасное–ужасное, легкое–трудное и светлое–темное. Во второй вошли пункты: насыщенное событиями–бедное событиями, интересное–скучное, значительное–незначительное, осмысленное–бессмысленное, мое–чужое. Третий базируется на следующих пунктах шкалы: исполненное надежд–безнадежное, быстро проходящее–долго тянущееся, успешное–неудачное, свободное–несвободное, активное–пассивное. Все индексы в

Таблица 1. Временная перспектива разных социально-демографических групп (% от численности каждой группы)

Социально-демографические группы	N	С уверенностью могут планировать свое будущее:				
		на 1–2 месяца	на полгода	на год	на 2 года и более	затрудняюсь ответить
Служащие частн. сектора	97	38.1	19.6	12.4	11.3	18.6
Служащие госсектора	101	38.6	17.8	16.8	8.9	17.8
Руководители	103	29.1	18.4	22.3	11.7	18.4
Рабочие	99	45.5	11.1	5.1	5.1	33.3
Студенты	100	21.0	17.0	13.0	27.0	22.0
Безработные	99	36.4	10.1	4.0	6.1	43.4
Пенсионеры	99	27.3	23.2	12.1	4.0	33.3
Мужчины	343	32.1	21.0	14.3	13.1	19.5
Женщины	355	35.2	12.7	10.4	8.2	33.5
29 лет и меньше	234	29.9	17.5	12.8	17.9	21.8
30–49 лет	276	37.3	15.2	11.2	8.0	28.3
50 лет и старше	188	33.0	18.1	13.3	5.3	30.3
Вся выборка	698	33.7	16.8	12.3	10.6	26.6

тексте даются по 7-балльной системе, 7 – самая высокая позитивная оценка, 1 – крайне негативная.

Индикаторы жизненных перемен. Чтобы выявить позитивные и негативные перемены в жизни опрошенных, в анкету были включены вопросы об изменениях в материальном и социальном положении, об изменениях во взаимоотношениях с окружающими и мнений о самом себе, о переменах в привычках, образе жизни, семейных традициях, а также о том, стала ли жизнь у респондента лучше или хуже, удалось ли ему найти место в сегодняшней жизни (подробнее см. табл. 7).

Общая оценка жизни. Для установления общей оценки своей жизни респондентам задавались вопросы: в какой мере они счастливы; в какой мере удовлетворены своей жизнью; как бы оценили свое настроение в последние дни; в какой мере чувствуют усталость; в какой мере ощущают себя отвергнутыми, забытыми в обществе; удовлетворены ли они своим материальным и социальным положением (подробнее см. табл. 9).

Стратегия совладания с экономической и социокультурной депривацией. Чтобы выявить стратегии совладания с материальными трудностями, нами была разработана шкала, состоящая из 40 вопросов. Образованы 14 типичных стратегий (см. табл. 8); более полное описание дано в [13].

Личностные шкалы. Для решения задач, сформулированных в рамках данной работы, использовались пять методик. 1. Тест жизненной ориентации Шейера и Карвера [37, с. 225], адаптированный нами для этого исследования и иначе называемый шкалой оптимизма; разработан для измерения диспозиционного оптимизма, определяемого авторами как ожидания личности относительно благоприятного исхода будущих событий. 2. Шкала диспозиционной надежды Снайдера, предназначенная для выявления обобщенного ожидания личностью достижения цели [12, 38]. 3. Шкала локуса контроля Роттера, адаптированная нами в 1979 году [10, 36]. Как известно, шкала Роттера определяет интернальность или экстернальность источника управления обстоятельствами своей жизни. 4. Шкала эгоизма, нацеленная на выявление склонности личности игнорировать чувства, интересы и благополучие других людей ради достижения своих целей, а также ее готовность нарушить установленные правила, использовать других или даже наносить им вред с целью осуществить свои желания [13]. 5. Шкала самоуважения, определяющая позитивность или негативность установок личности по отношению к себе [35, с. 100]. Для измерения самоуважения личности мы взяли из методики Розенберга (1965) лишь три вопроса, выделенных авторами как основные или имеющие самые высокие факторные нагрузки. На их основе образован индекс самоуважения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Временная перспектива. Прежде всего отметим, что у значительной части опрошенных (60.3%) временная перспектива либо сильно укорочена до 1–2 месяца (33.7%), либо она не может быть определена в нынешних обстоятельствах (26.6%). Еще 16.8% респондентов сообщили, что могут уверенно планировать свое будущее лишь на полгода. Более или менее продолжительна временная перспектива у 22.9% опрошенных (в т.ч. 12.3% на год и 10.6% на 2 года и более). Таким образом, подтверждается первая наша гипотеза о том, что в “нулевое время”, т.е. в период распада социальной системы, временная перспектива сильно укорочена или не определена.

Временная перспектива весьма сильно укорочена у рабочих (45.5%) и у служащих государст-

венного и частного секторов экономики (соответственно 38.6% и 38.1%). Как мы предполагали, наиболее продолжительным временной горизонт оказался у студентов и руководителей. Соответственно 40.0% и 34.0% опрошенных из этих групп могут планировать свое будущее на год и более.

Показательно, что число людей с непродолжительной временной перспективой больше в возрастной группе от 30 до 50 лет (37.3%), а не в группе 50 лет и старше (33.0%). Вероятно, вся тяжесть кризисного времени падает на плечи тех, кто в среднем, зрелом возрасте в полной мере выполняет разнообразные семейные и профессиональные обязанности. Так или иначе, укороченная временная перспектива у тех, кому от 30 до 50 лет, является признаком их тревоги за непредсказуемое будущее. Заметим, что наибольшую длину временная перспектива достигает у молодежи до 30 лет, а наименьшую – у людей старше 50 лет.

По сравнению с женщинами, мужчин больше среди тех, кто с уверенностью планирует свое будущее на год и более (18.6% и 27.4% соответственно). Однако в отличие от мужчин женщины чаще затрудняются ответить, как они намерены планировать свое будущее, что, видимо, тоже вполне ожидаемо в нынешних обстоятельствах.

Остановимся теперь на том, от каких факторов зависит продолжительность временной перспективы. В первую очередь, следует отметить, что она значимо коррелирует с уровнем дохода ($R = 0.16$, $P < 0.001$). Чем выше доход респондента, тем длиннее его временная перспектива. Например, среди тех, кто имел доход на одного члена семьи свыше 1500 рублей, в три раза больше с уверенностью планирующих свое будущее на год и более по сравнению с теми, кто имел доход на одного члена семьи 400 рублей и меньше (соответственно 48.4% и 15.9%). Поистине по народной пословице: “Бедный времени не ищет”. Для того чтобы более основательно проверить эти выводы, мы образовали две крайние группы: 1) преуспевших за периоды экономической реформы с 1991 года и 2) потерпевших неудачу на данном этапе. В первую вошли те, у кого улучшились в результате реформы материальное и социальное положение, а также жизнь в целом, и они не чувствуют себя отвергнутыми в обществе (всего 82 человека). Во вторую – те, у кого в результате реформы ухудшилось материальное и социальное положение и жизнь в целом, и они чувствуют себя отвергнутыми в обществе (всего 109 человек). 44.4% из потерпевших неудачу живут исключительно сегодняшним днем и могут планировать свое будущее не более, чем на 1–2 месяца. Немало в этой группе и тех, кто не может вообще планировать свою жизнь – 32.4%. Таким образом, для 76.8% из числа проигравших в процессе эконо-

Таблица 2. Временная ориентация разных социально-демографических групп (% от численности каждой группы)

Социально-демографические группы	N	Ориентация на настоящее	Ориентация на будущее	Ориентация на прошлое	Неопределенная ориентация
Служащие частн. сектора	97	27.8	22.7	8.2	41.2
Служащие госсектора	101	13.9	26.7	15.8	43.6
Руководители	102	30.4	12.7	16.7	40.2
Рабочие	99	9.1	12.1	34.4	44.4
Студенты	100	25.0	54.0	1.0	20.0
Безработные	100	4.0	17.0	39.0	40.0
Пенсионеры	99	2.0	1.0	77.8	19.2
Мужчины	343	18.4	23.3	28.0	30.3
Женщины	355	13.8	18.6	27.0	40.6
29 лет и меньше	234	26.9	44.4	1.7	26.9
30–49 лет	276	13.8	13.4	23.6	49.3
50 лет и старше	188	5.9	2.7	65.4	26.1
Вся выборка	698	16.0	20.9	27.5	35.5

номической реформы практически не существует временной перспективы. Только 4.6% неудачников сообщили, что они планируют свое будущее на год и более. Среди же преуспевших свою жизнь планируют на год и более 53.6% респондентов. Число лиц с укороченной временной перспективой среди преуспевших оказалось 13.4%.

Как мы предполагали, существенное влияние на дальность временной перспективы имеет ряд личностных черт. Нами уже было отмечено, что надежда и оптимизм свидетельствуют об открытости личности будущим возможностям, о ее доверии процессу созревания временной последовательности, тогда как безнадежность и пессимизм означают закрытость личности относительно временной последовательности и отказ от проектирования своего будущего [12]. Действительно, обнаружено, что среди оптимистов и среди тех, кто имеет высокие баллы по шкале диспозиционной надежды, больше людей, уверенно планирующих свое будущее на год и более. Тогда как среди пессимистов и питающих низкую надежду на будущее значительно меньше людей с длительной временной перспективой (различия процентов значимы при $P < 0.01$). Продолжительность временной перспективы существенно зависит и от локуса контроля личности. 41.3% экстерналов видели свою временную перспективу лишь на 1–2 месяца, в то время как лиц с укороченной временной перспективой среди интерналов было 27.6% ($P < 0.01$). Среди интерналов свое будущее уверенно планировали на год и более 34.8%, а среди экстерналов – 13.8% ($P < 0.001$). Итак, те, кто еще не потерял склонность принимать на себя ответственность за события, происходящие в их жизни, те, кто пока считает, что они сами, а не внешние обстоятельства (интерналы), являются хозяевами своей

судьбы и времени, сохраняют способность ставить долгосрочные цели. Респонденты же, не обладающие такой склонностью (экстерналы), имеют укороченную временную перспективу, не ставят перед собой долгосрочные цели, у них нет обязательств и ответственности, которые связывают человека с жизнью, людьми, обществом.

Временная ориентация на прошлое, настоящее и будущее. Начнем с того, что более одной трети респондентов (35.5%) не могли отдать свое предпочтение какой-либо одной форме времени. Данный факт весьма симптоматичен тем, что значительное количество людей ставят себя вне времени, не находя себе места ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Добавим сюда еще 27.5% опрошенных, ориентированных на прошлое. То есть абсолютное большинство респондентов (63%) не связывают себя с настоящим и не видят каких-либо для себя перспектив в будущем. При этом важно заметить, что если на прошлое в основном ориентированы лица старше 50 лет (65.4% из этой возрастной группы), то не могут определить свое временное предпочтение люди активного возраста от 30 до 50 лет (49.3%). В наибольшей степени неопределенность временной ориентации обнаруживается среди рабочих (44.4%), служащих государственного (43.6%) и частного (41.2%) секторов экономики и даже среди руководителей (40.2%). Только для студентов и пенсионеров более определен временной горизонт. Число затрудняющихся обозначить свое временное предпочтение в этих группах составляет соответственно 20.0% и 19.2%. Укажем также, что по сравнению с мужчинами среди женщин много лиц, затрудняющихся определить свою временную ориентацию (соответственно 30.3% и 40.6%, при $P < 0.05$).

Таблица 3. Временная ориентация в зависимости от личностных черт и жизненного успеха или неудачи (% от численности каждой группы)

Социальные группы	N	Ориентация на настоящее	Ориентация на будущее	Ориентация на прошлое	Неопределенная ориентация
Оптимисты	224	26.3	30.8	10.7	32.1
Пессимисты	186	8.1	8.6	47.8	35.5
Высокая степень надежды	201	29.9	25.9	17.9	26.4
Низкая степень надежды	234	6.4	16.2	35.9	41.5
Интерналы	181	28.7	24.9	16.0	30.4
Экстерналы	240	7.9	17.9	34.2	40.0
Высокое самоуважение	127	31.5	30.7	18.1	19.7
Низкое самоуважение	88	5.7	14.8	51.1	28.4
Низкая степень эгоизма	272	10.3	15.8	39.0	34.9
Высокая степень эгоизма	190	25.3	22.6	14.7	37.4
Среднедушевой доход свыше 250 \$	64	46.9	21.9	1.6	29.7
Среднедушевой доход до 70 \$	253	7.9	16.2	42.7	33.2
Преуспевшие	82	53.7	26.8	3.7	15.9
Потерпевшие неудачу	109	1.8	9.2	63.3	25.7

На настоящее ориентированы всего 16.0% опрошенных. Это в основном руководители (30.4% из данной группы), предприниматели (27.8%) и студенты (25%). Меньше всего таких среди пенсионеров (2.0%), безработных (4.0%) и рабочих (9.1%). Понятно, что в наибольшей степени ориентированы на настоящее молодые люди до 30 лет (26.9%). Они же чаще, чем представители других возрастных групп, отдают свое предпочтение будущему (44.4%).

Ориентированных на будущее оказалось 20.9% выборки. Данную категорию главным образом образуют студенты (54% из этой группы), служащие госсектора (26.7%) и предприниматели (22.7%). Кажется, что по сравнению с женщинами мужчины несколько чаще ориентированы на настоящее и будущее, но это лишь на доверительном уровне – не выше 80%.

Подтверждается также вторая наша гипотеза. Действительно, в период, когда сохраняется большая неопределенность в социальной системе, доминирует неопределенность и во временной ориентации населения. Взгляды и ценности многих обращены в прошлое. И лишь чуть более одной трети опрошенных ориентированы на настоящее и будущее. Эти данные свидетельствуют по сути о значительной временной дезориентированности людей, т.е. о их неспособности функционировать в контексте социального времени.

Как видно из табл. 3, высокий среднедушевой доход определяет предпочтение главным образом настоящего времени (46.9% из этой группы), тогда как низкий доход диктует выбор прошлого (42.7%). Этот вывод становится еще более оче-

видным, если посмотрим временную ориентацию преуспевших за период экономической реформы и потерпевших неудачу в результате реформы. Среди первых 53.7% ориентированы на настоящее, среди вторых 63.3% – на прошлое.

В целом уверенно можно констатировать, что успех в жизни оказывается самым сильным фактором, определяющим временную ориентацию личности: 80.5% преуспевших в ходе реформ ориентированы на будущее и настоящее, в то время как из числа потерпевших неудачу – лишь 11.0%.

Вторым сильным фактором, способствующим выбору настоящего и будущего во временной ориентации, является наличие у личности высокого самоуважения, т.е. присутствие позитивной самооценки и чувства собственного достоинства, видимо, настраивает человека на то, чтобы стать хозяином своего времени и смотреть в будущее с уверенностью.

Значимо влияет на предпочтение временной ориентации на настоящее и будущее склонность личности ожидать благоприятного исхода жизненных событий (оптимизм и диспозиционная надежда), а также способность управлять обстоятельствами своей жизни (интернальный локус контроля) (см. табл. 3). Важно также указать на влияние эгоизма личности при выборе ориентации на настоящее. Оказалось, что среди эгоистов, склонных игнорировать интересы и чувства окружающих и способных нарушить общепринятые правила поведения, больше тех, кто стремится быть хозяином своего времени, нежели среди не-эгоистов (соответственно 25.3% и 10.3%).

Таблица 4. Аттитюды к прошлому и настоящему (N = 687, шкала 1 → 7)

Аттитюды ко времени	К прошлому		К настоящему		Разность средних оценок $\Delta M = M^1 - M^2$
	M ¹	σ^1	M ²	σ^2	
Безопасное–страшное	5.27	1.58	3.00	1.56	2.27*
Приятное–неприятное	5.44	1.42	3.33	1.49	2.11*
Светлое–темное	5.20	1.33	3.30	1.46	1.90*
Исполненное надежд–безнадежное	5.44	1.44	3.67	1.69	1.77*
Прекрасное–ужасное	5.05	1.29	3.31	1.45	1.74*
Легкое–трудное	4.11	1.62	2.59	1.59	1.52*
Успешное–неудачное	4.79	1.37	3.48	1.47	1.31*
Осмысленное–бессмысленное	4.87	1.48	3.79	1.62	1.08*
Мое–чужое	4.66	1.82	3.69	1.87	0.97*
Интересное–скучное	5.29	1.61	4.39	1.79	0.90*
Быстро проходящее–долго тянущееся	4.80	1.85	4.11	1.88	0.69*
Активное–пассивное	4.93	1.68	4.52	1.79	0.41*
Насыщенное событиями–бедное событиями	5.49	1.49	5.20	1.74	0.29*
Значительное–незначительное	4.43	1.55	4.22	1.63	0.21**
Свободное–несвободное	4.44	1.64	4.42	1.68	0.02

Примечание: М – среднее; σ – стандартное отклонение, * $P < 0.001$, ** $P < 0.05$.

Аттитюды к прошлому и настоящему. Аттитюды ко времени есть отражение комплекса чувств личности. Рассмотрим сначала те чувства, которые выражают респонденты по отношению к настоящему. Напомним, что оценки времени давались по 7-балльной системе, где 7 – самая высокая позитивная оценка, 4 – нейтральная, а 1 – крайне негативная. Как видно из табл. 4, настоящее преимущественно описывается как негативный процесс. Оно кажется опрошенным: трудным (2.59 балла), страшным (3.00), темным (3.30), ужасным (3.31), неприятным (3.33), неудачным (3.48), безнадежным (3.67), чужим (3.69). Позитивные оценки настоящему даны лишь по четырем признакам: насыщенное событиями (5.20), активное (4.52), свободное (4.42) и интересное (4.39). Нейтральными выглядят аттитюды к настоящему по критериям: “значительное–незначительное” (4.22), “быстро проходящее–долго тянущееся” (4.11) и “осмысленное–бессмысленное” (3.79).

На фоне таких данных о настоящем интересно посмотреть аттитюды респондентов к прошлому. Оно описывалось исключительно как позитивный процесс: насыщенное событиями (5.49), исполненное надежд (5.44), приятное (5.44), интересное (5.29), безопасное (5.27), светлое (5.20), прекрасное (5.05), активное (4.93), осмысленное (4.87), быстро проходящее (4.80), успешное (4.79), мое (4.66), свободное (4.44) и значительное (4.43).

Нейтрально оценено только по критерию “легкое–трудное” (4.11).

Таким образом, как мы предполагали, наше “расстроенное время” описывается респондентами как исключительно негативный процесс, а прошлое (хотя и замедленное время) как позитивный.

Каков же смысл этих эмоционально-оценочных переживаний прошлого и настоящего? «Некий факт становится переживанием в той мере, в которой он не просто пережит, но в которой его содержание (“переживаемость” – *Erlebtsein*) обладает особой ценностью, придающей ему непреходящее значение. То, что таким образом является “переживанием”, получает полностью новый бытийный статус...», – пишет Х.-Г. Гадамар [2, с. 105]. В самом деле, подобные бытийные переживания характеризуют обстоятельства, в которых оказался человек. Он осмысливает свое место в этом пространственно-временном измерении в терминах ценности прошлого и настоящего, в терминах ожиданий и реальности. Сопоставление, как мы видели, не в пользу настоящего. В нулевом времени прошлое фактически приобретает позитивный бытийный статус, несмотря на массивное его очернение в течение почти 15 лет. Возможно, для многих пережитое в те годы было самым ценным в их жизни. Возможно, ностальгия о прошлом вызвана чрезмерными нагрузками сегодняшнего дня и полной неуверенностью в завтрашнем дне. Так или иначе, в том, что прошлое

Таблица 5. Аттitudes к прошлому и настоящему (N = 687, шкала 1 → 7)

Аттitudes ко времени	К прошлому		К настоящему		Разность средних оценок
	M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	ΔM = M ¹ – M ²
Эмоциональное отношение	5.01	1.01	3.10	1.10	1.91*
Ценностное отношение	4.94	1.09	4.26	1.15	0.68*
Личностный контроль	4.88	1.00	4.04	1.13	0.84*

Примечание: * P < 0.001.

было не хуже, а даже лучше, чем настоящее, уверена большая часть населения страны. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в марте 1999 года 74.1% россиян сожалели о распаде СССР и 57.5% россиян считали, что “было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года”. С первым мнением не были согласны лишь 15.9% опрошенных, а со вторым – 27.2% респондентов [9, с. 105].

Однако перейдем от анализа дифференциальных оценок к изучению более обобщенных аттитудов к прошлому и настоящему. Анализ при этом будет осуществлен по трем критериям: аффективного восприятия времени, ценностного отношения к нему и способности личности контролировать, управлять своим временем. По данным табл. 5 можно увидеть, что прошлое оценивается положительно по всем трем критериям: та ситуация была эмоционально благоприятная, в ценностном отношении значительная, имелась возможность управлять обстоятельствами своей жизни. Настоящее же оценивается негативно в эмоциональном отношении, что характеризует ситуацию как неблагоприятную. Восприятие его в ценностном отношении и способность контролировать ситуацию оказались нейтральными, что свидетельствует об отсутствии в настоящем пока, с одной стороны, значимых элементов, а с другой – возможности управлять своим временем.

Исходя из такого подхода, ориентация на прошлое означает, что ценности и возможности остались там. Ориентация на настоящее свидетельствовала о том, что ценности и возможности присутствуют сейчас и их наличие совпадает во времени. Однако ценности нынешнего времени пока не проявились, а возможности в нем минимальны, или просто отсутствуют. Заметим, что ориентация на будущее означала бы, что ценности и возможности еще впереди, только их время не наступило.

Остановимся на некоторых половозрастных и социальных различиях. В группах рабочих, безработных, пенсионеров аттитуды к настоящему оказались негативными по всем трем критериям оценки: эмоционально ситуация характеризуется как очень плохая, в ценностном отношении она скорее отрицательна и возможностей управлять

обстоятельствами жизни в настоящем нет. Умеренно позитивные оценки настоящего дают предприниматели и студенты по двум критериям, руководители – по одному. Все они отмечают некоторую позитивную ценность нового времени, а предприниматели и студенты даже указали на возможность управления ситуацией, правда, руководители не разделяют их оптимизма в этом отношении. Служащие государственного сектора нейтрально воспринимают ценность момента и возможность личностного контроля обстановки, но ситуацию описали эмоционально негативно.

Прошрое вспоминается всеми социальными группами в позитивном свете по всем трем критериям оценки, в особенности в эмоциональном отношении. При этом наиболее высокие оценки минувшему дают пенсионеры, а самые умеренные, но положительные – служащие государственного сектора.

В эмоциональном плане все возрастные группы оценивают настоящее отрицательно, правда, этот негативизм резко усиливается с возрастом: 3.55 – у молодежи; 3.04 – у тех, кому за тридцать; и 2.63 – у людей пожилого возраста. Однако молодые люди до 30 лет дают умеренно позитивную оценку ценности настоящего и наличию личностного контроля; респонденты от 30 до 50 лет нейтрально отнеслись к настоящему по этим двум критериям, а люди старше 50 лет выразили неодобрение времени в ценностном плане и отрицательно высказались в отношении возможности управления ситуацией. Такие тенденции вполне объяснимы. У молодежи не было драматического разрыва в биографии, к тому же они социализировались в условиях культивации новых ценностей, оттого у них и сравнительно позитивные аттитуды к настоящему. Драматический разрыв в биографии произошел у старшего поколения. Их прошлое, смысл всей жизни практически отброшены и во многом дискредитированы. Положение, конечно, еще усугубляется реальными тяжелыми материальными обстоятельствами.

Не удивительно, что старшее поколение дает прошлому самую высокую оценку, в особенности в ценностном отношении. Надо сказать, прошлое положительно оценено и другими возрастными группами по всем трем критериям оценок.

Таблица 6. Аттитюды к прошлому и настоящему разных социальных групп (шкала 1 → 7)

Аттитюды ко времени	К прошлому		К настоящему		К прошлому		К настоящему		Разность средних оценок	
	M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	M ³	σ ³	M ⁴	σ ⁴	ΔM = = M ¹ - M ²	ΔM = = M ³ - M ⁴
Мужчины (N = 338)										
Эмоциональное отношение	4.90	0.96	3.14	1.12	5.12	1.05	3.07	1.09	1.76*	2.05*
Ценностное отношение	4.86	1.16	4.25	1.14	5.03	1.02	4.27	1.15	0.61*	0.76*
Личностный контроль	4.80	0.99	4.03	1.13	4.96	1.00	4.06	1.12	0.77*	0.80*
Женщины (N = 350)										
Эмоциональное отношение	5.08	0.98	3.68	0.94	5.04	1.06	2.47	1.01	1.40*	2.57*
Ценностное отношение	4.94	1.01	4.90	1.02	5.02	1.07	3.70	1.13	0.04	1.32*
Личностный контроль	4.91	0.93	4.74	0.98	4.90	0.98	3.38	1.00	0.17****	1.52*
Оптимисты (N = 222)										
Пессимисты (N = 183)										
Высокая степень надежды (N = 199)										
Низкая степень надежды (N = 230)										
Эмоциональное отношение	5.02	1.08	3.42	1.14	4.98	1.05	2.79	1.08	1.60*	2.19*
Ценностное отношение	4.99	1.04	4.68	1.21	4.92	1.11	3.85	1.03	0.31**	1.07*
Личностный контроль	4.97	1.03	4.55	1.11	4.83	0.98	3.56	1.04	0.42*	1.27*
Интерналы (N = 178)										
Экстерналы (N = 235)										
Эмоциональное отношение	4.94	1.02	3.39	1.04	4.99	1.00	2.93	1.10	1.55*	2.06*
Ценностное отношение	4.85	1.07	4.56	1.13	4.90	1.03	4.06	1.12	0.29**	0.84*
Личностный контроль	4.79	1.00	4.38	1.06	4.79	0.96	3.80	1.17	0.41*	0.99*
Высокое самоуважение (N = 127)										
Низкое самоуважение (N = 87)										
Эмоциональное отношение	5.06	1.04	3.56	1.06	5.04	1.12	2.62	1.15	1.50*	2.42*
Ценностное отношение	5.12	1.04	5.02	1.15	4.92	1.20	3.53	0.98	0.10	1.39*
Личностный контроль	5.01	1.01	4.81	1.07	4.84	1.18	3.27	1.04	0.20	1.57*
Низкая степень эгоизма (N = 270)										
Высокая степень эгоизма (N = 188)										
Эмоциональное отношение	4.96	1.01	2.91	1.06	5.05	0.99	3.47	1.06	2.05*	1.58*
Ценностное отношение	5.11	1.18	4.03	1.14	4.89	0.91	4.57	1.05	1.08*	0.32**
Личностный контроль	4.97	1.06	3.77	1.08	4.88	0.93	4.50	1.15	1.20*	0.38*
Преуспевшие (N = 82)										
Потерпевшие неудачу (N = 106)										
Эмоциональное отношение	4.98	1.01	3.92	0.95	5.02	1.14	2.25	0.98	1.06*	2.77*
Ценностное отношение	4.75	1.07	5.19	0.96	5.20	1.31	3.35	0.99	-0.44**	1.85*
Личностный контроль	4.77	1.04	5.11	0.79	5.04	1.20	3.05	0.99	-0.34****	1.99*
Среднедушевой доход свыше 250 \$										
Среднедушевой доход до 70 \$										
Эмоциональное отношение	4.96	1.10	2.72	1.06	4.86	1.00	3.87	0.77	2.21*	0.99*
Ценностное отношение	5.12	1.18	3.84	1.16	4.57	0.96	5.10	0.97	1.28*	-0.53**
Личностный контроль	4.96	1.08	3.62	1.03	4.73	0.84	5.06	0.92	1.34*	-0.33***

Примечание: * P < 0.001; ** P < 0.01; *** P < 0.05; **** P < 0.10.

Таблица 7. Средние величины изменений в жизни у респондентов с разной временной ориентацией

Индикаторы изменений в жизни	Ориентация на:						Разность средних оценок	
	прошлое (N = 192)		настоящее (N = 112)		будущее (N = 146)			
	M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	M ³	σ ³	$\Delta M =$ = M ¹ – M ²	$\Delta M =$ = M ¹ – M ³
Изменение мнения о самом себе (о самой себе) (шкала 1 → 4)	2.26	0.97	3.17	0.85	3.01	1.03	–0.91*	–0.75*
Изменение в социальном положении (шкала 1 → 4)	1.49	0.87	3.29	0.96	2.92	1.13	–1.80*	–1.43*
Изменение в материальном положении (шкала 1 → 4)	1.42	0.88	3.16	1.16	2.38	1.31	–1.74*	–0.96*
Изменение в привычках, образе жизни, семейных традициях (шкала 1 → 6)	2.63	1.42	3.94	1.50	3.47	1.60	–1.31*	–0.84*
Изменение во взаимоотношениях с окружающими (шкала 1 → 6)	3.05	1.19	3.94	1.14	3.77	1.34	–0.89*	–0.72*
Стала ли жизнь лучше или хуже? (шкала 1 → 5)	2.14	0.76	3.72	0.93	3.18	1.05	–1.58*	–1.04*
Удалось ли найти место в сегодняшней жизни? (шкала 1 → 5)	2.48	0.89	3.71	0.84	3.12	0.86	–1.23*	–0.64*

Примечание: * $P < 0.001$.

Значимых гендерных различий не наблюдается, за одним исключением: по сравнению с мужчинами женщины оценили прошлое выше по всем трем критериям.

Что же больше всего определяет позитивность или негативность аттитюдов ко времени?

Самой сильной детерминантой все-таки вновь оказался материальный фактор. Респонденты, имеющие среднедушевой доход свыше 1500 рублей в месяц, высокие баллы выставляли настоящему в ценностном отношении и возможности управления, но нейтрально характеризовали его в эмоциональном отношении. По всем трем критериям негативную оценку дали настоящему люди, имеющие доход на одного члена семьи в месяц 400 рублей и меньше. Такой же подход повторили группы преуспевших в результате реформы и потерпевших неудачу. Только положительные аттитюды преуспевших и негативные аттитюды потерпевших неудачу еще более усиливаются (см. табл. 6).

Следующим хорошо дифференцирующим фактором проявило себя наличие высокого или низкого самоуважения. Во второй группе аттитюды к настоящему были весьма негативными по всем трем критериям оценки, тогда как в первой они были нейтральными в эмоциональном отношении и позитивными по критериям ценности и личностного контроля. Выше мы уже показывали, что высокое самоуважение (позитивная самооценка, чувство собственного достоинства) подразумевает, очевидно, способность самоутверждаться и быть хозяином своей судьбы и времени, в то время как низкое самоуважение не может обеспечить самоутверждающего поведения. В период экономической реформы у тех, кто пережил не-

удачу, ухудшилось мнение о себе и, соответственно, понизилось самоуважение, а у тех, кто преуспел, повысилось и мнение о себе, и самоуважение.

Известно, что самоуважение выполняет функцию поддержания статуса, репутации личности. В этом смысле экономический кризис нанес большой удар по самоуважению людей. Так, по нашим данным, у 40.1% респондентов ухудшилось социальное положение, а у 54.3% за это время ухудшилось материальное положение.

Резко негативные аттитюды к настоящему по всем критериям обеспечивает пессимизм личности, ее склонность ожидать всегда худший сценарий развития событий. Оптимисты, наоборот, позитивно оценивают настоящее по критериям ценности и личностного контроля и негативно в эмоциональном отношении. Похожую модель оценок настоящего можно обнаружить в зависимости от диспозиционной надежды и интернального локуса контроля.

Заметим, что проанализированные факторы, хорошо дифференцирующие аттитюды к настоящему, практически мало влияют на оценку прошлого. Почти все противоположные группы (оптимисты и пессимисты, интерналы и экстерналы и др.) положительно оценивают прошлое по всем трем критериям.

Временная ориентация и изменения в жизни за последние 6 лет. Годы реформ внесли серьезные перемены в жизнь населения России. Так, по данным нашего исследования, 76.7% респондентов сообщили, что у них за эти годы изменилось в ту или иную сторону материальное положение, 63.2% отметили, что у них претерпело изменение социальное положение, 45.7% отказались от

Таблица 8. Стратегии совладания с экономической и социокультурной депривацией в зависимости от временной ориентации респондентов

Временная ориентация на:	Стратегии:													
	отстраненно-го принятия ситуации [°]		пассивной надежды [°]		стойкости и самообладания [°]		поиска социальной поддержки ^{°°°}		самовыживания [°]		личностной адаптации [°]		рациональная когнитивная ^{°°°}	
	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ
прошлое (А)	4.15	1.18	3.95	1.21	5.08	1.06	12.40	3.55	4.57	1.08	2.89	1.05	8.08	2.12
настоящее (Б)	3.65	1.35	3.39	1.29	4.97	1.01	12.00	3.11	4.28	1.20	4.26	1.27	8.57	2.04
будущее (В)	3.67	1.10	3.54	1.25	4.77	1.07	12.63	3.47	4.43	1.04	3.88	1.23	8.37	1.89
разность средних	А-Б	0.50*	0.56**		0.11		0.40		0.29****		-1.37*		-0.49****	
	А-В	0.48**	0.41**		0.31***		-0.23		0.14		-0.99*		-0.29	

Временная ориентация на:	Стратегии:													
	позитивного мышления [°]		атрибуции вины на себя и на других [°]		избегания [°]		депривационной адаптации [°]		смирения и бездействия ^{°°}		бесплодного мечтания [°]		рациональная поведенческая ^{°°}	
	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ
прошлое (А)	3.88	1.33	3.21	1.27	3.52	1.18	4.11	0.92	4.62	1.57	4.47	1.24	4.67	1.62
настоящее (Б)	4.00	1.28	2.94	1.14	3.12	0.96	3.51	0.89	3.87	1.14	3.80	1.42	6.16	1.85
будущее (В)	3.94	1.36	3.08	1.05	3.19	0.92	3.72	0.98	4.23	1.37	4.31	1.38	5.14	1.71
разность средних	А-Б	-0.12	0.27		0.40**		0.60*		0.75*		0.67*		-1.49*	
	А-В	-0.06	0.13		0.33**		0.39*		0.39***		0.16		-1.04*	

Примечание: 1. ° Индекс: 2 → 6; °° Индекс: 3 → 9; °°° Индекс: 4 → 12; °°°° Индекс: 8 → 24; * $P < 0.001$; ** $P < 0.01$; *** $P < 0.05$; **** $P < 0.10$.

прежних привычек, образа жизни, семейной традиции. Изменилось у значительной части людей даже их мнение о самих себе (37.9%). В этом разделе рассмотрим данные о том, как повлияли такие перемены на временную ориентацию (прошлое, настоящее и будущее).

Из табл. 7 видно, что позитивные перемены в социальном и материальном положении и связанное с этим улучшение самооценки респондента сильно влияют в первую очередь на ориентацию на настоящее сохранение привычек, семейной традиции и положительные перемены во взаимоотношениях с окружающими; то, что удалось найти место в сегодняшней жизни и то, что она изменилась к лучшему. Однако негативные перемены во всех указанных сферах прямо ориентируют респондентов на прошлое.

Стратегия совладания с экономической и социокультурной депривацией. Уже в процессе анализа детерминант временной перспективы и временной ориентации можно было увидеть, что уверенное планирование человеком своего будущего и его позитивные аттитюды к настоящему являются адаптивными, поскольку ориентация на настоящее и будущее означает, что здесь заложены

ценности и возможности. Кроме того, выбор настоящего и будущего подразумевает и выбор тех проблем, которые локализованы последовательно на "горизонте" времени, и готовность личности решить эти проблемы. Ориентация же только на прошлое говорит о том, что ценности и возможности личности во многом остались позади и что у нее нет готовности решить проблемы настоящего и будущего.

Какие же стратегии совладания с материальными трудностями выбирают лица, ориентированные на разные временные зоны? Как видно из табл. 8, респонденты, ориентированные на настоящее, преимущественно выбирали следующие три стратегии: личностная адаптация; рациональная когнитивная; рациональная поведенческая. Таким образом, предпочтение настоящего времени свидетельствует, во-первых, о реализме выбора временной зоны, во-вторых, о готовности личности изменить в себе что-то, дабы справиться с ситуацией и, главное, рационально анализировать обстановку, строить планы для действия и пытаться предпринять шаги, которые реально способствуют совладанию с трудностями. Впрочем, ориентированные на будущее также выбрали стратегию личностной адаптации и рациональной когнитивной.

Таблица 9. Средние величины оценки своей жизни у респондентов с разной временной ориентацией

Индикаторы субъективного благополучия	Ориентация на:						Разность средних оценок	
	прошлое (N = 192)		настоящее (N = 112)		будущее (N = 146)			
	M ¹	σ ¹	M ²	σ ²	M ³	σ ³	ΔMM ¹ – M ²	ΔM = M ¹ – M ³
Настроение в последние дни (шкала 1 → 6)	2.68	1.13	4.34	1.15	3.90	1.26	–1.66*	–1.22*
Ощущение счастья (шкала 1 → 4)	1.42	0.70	2.50	0.96	1.98	1.03	–1.08*	–0.56*
Удовлетворенность жизнью (шкала 1 → 5)	2.27	0.95	3.55	1.02	3.16	1.08	–1.28*	–0.89*
Удовлетворенность социальным положением (шкала 1 → 5)	2.29	1.10	3.73	1.11	3.02	1.22	–1.44*	–0.73*
Удовлетворенность материальным положением (шкала 1 → 5)	1.82	0.77	2.98	1.12	2.42	1.21	–1.16*	–0.60*
Чувство усталости (шкала 1 → 4)	3.07	0.70	2.63	0.82	2.68	0.81	–0.44*	–0.39*
Чувство отвергнутости, ненужности, забытости (шкала 1 → 5)	2.67	1.17	4.13	0.94	3.71	1.14	–1.46*	–1.04*

Примечание: * $P < 0.001$.

нальную поведенческую стратегию. То есть, размещая ценности и возможности в будущем, человек вновь проявляет желание справиться с проблемами путем изменения самого себя, предпринимая для этого вполне конкретные действия.

Респонденты, ориентированные на прошлое, наоборот, выбирали исключительно пассивные формы поведения: они отстраненно принимают сложившуюся ситуацию, не в силах предпринять что-либо; в основном питают пассивную надежду, ожидая чуда или мечтая, что трудности сами исчезнут; переходят на самовывживание, производя все необходимое собственными силами; экономят изо всех сил; избегают общения с людьми, чтобы скрыть свои проблемы; смиряются, бездействуют. Таким образом, ориентация только на прошлое является дезадаптивной, непродуктивной ориентацией, исключающей рациональное и активное преодоление трудностей.

Временная ориентация и общая оценка жизни. Как показывают наши данные (см. табл. 9), с ориентацией на прошлое связаны неудовлетворенность материальным и социальным положением, чувство усталости и своей ненужности, плохое настроение и неудовлетворенность жизнью, ощущение несчастья. У тех, кто направляет свои ресурсы на решение сегодняшних проблем и ориентирован на настоящее, наблюдается в целом хорошее настроение, удовлетворенность жизнью и даже некоторое ощущение счастья. Эта категория респондентов в общем удовлетворена своим материальным положением, у них меньше чувст-

во усталости и они не ощущают себя отвергнутыми в обществе. Опрошенные, ориентированные на будущее, занимают по субъективному благополучию промежуточное положение. Их оценки своей жизни несколько хуже, чем у ориентированных на настоящее, но лучше, чем у ориентированных на прошлое.

ВЫВОДЫ

Исследование проведено в кризисные годы, когда течение времени объективно деформировано. Следствием такого «расстроеного времени» оказались, как показали наши данные, во-первых, сильное сокращение временной перспективы у большей части респондентов или полная ее неопределенность, во-вторых, значительная временная дезориентация людей (преимущественная ориентация на прошлое и неопределенность временной ориентации), в-третьих, восприятие настоящего исключительно в негативном свете.

Что же означают эти выводы? *Первое.* Значительная часть населения живет сегодняшним днем, не планирует свою жизнь на будущее, не ставит перед собой долгосрочные цели. Подобная жизненная стратегия непродуктивна и является тормозом для выхода из кризиса, потому что люди не связывают себя (или у них нет для этого возможностей) с созиданием, совершением значительных дел. Эта установка освобождает человека от каких-либо обязательств перед обществом. Он

не имеет чувства долга и ответственности перед кем бы то ни было. Социальная же жизнь без мотивации созидания, без обязательств, без чувства долга и ответственности будет продолжать деградировать. Исправить такую ситуацию можно будет лишь при условии, когда у людей появятся мотивация планировать свою жизнь, выбирать разные цели, стремиться что-то создавать. Условия эти связаны с созданием рабочих мест, с возможностью полноценно работать, строить, участвовать в разных важных проектах, и с улучшением уровня жизни людей.

Второе. Значительная часть наших респондентов поглощена прошлым или не имеет определенной временной ориентации. На фоне полного неприятия настоящего обращенность исключительно в прошлое, в сущности, является признаком упадка. Более здоровым, как показали исследования [29], было бы воспринимать и переживать прошлое, настоящее и будущее в их последовательности, непрерывности, взаимосвязи. Как прошлое, так и будущее должны быть интегрированы в настоящее. Ибо совершенно невозможно без опыта прошлого, без мотивации настоящего строить будущее. Самое же главное, временные зоны содержат: важнейшие социальные инварианты, обеспечивающие социальный порядок и устойчивость в обществе; правила, регулирующие, ограничивающие и стимулирующие поведение людей; ценности и результаты деятельности, служащие ориентиром и стимулом. Если же отбрасывается, дискредитируется одна из зон, то и остальные тоже опустошаются и дискредитируются. Восстановление здоровой, нормальной временной ориентации, когда соединены все зоны, хотя одна из них и доминирует, возможно по мере того, как будет восстанавливаться преемственность прошлого, настоящего и будущего, как будет создаваться новая самоидентификация культуры и неразрывность биографии у каждого поколения. Кроме того, естественная, здоровая временная ориентация будет формироваться по мере возрождения экономики, которая обеспечивает не только материальное благополучие, но и поддерживает мотивацию, самоуважение, благородство у людей.

Третье. "Настоящее" охарактеризовано, по нашим данным, как исключительно негативный процесс. Это результат не только экономического кризиса, который оказался следствием, с одной стороны, неумения ответить на вызов времени, а с другой, приверженностью к взрывным методам переустройства общества. Как совсем недавно писал Лотман, "русская культура осознает себя в категориях взрыва", призывая перейти от такого способа мышления к эволюционному сознанию [5, с. 269].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борхес Х.Л. Новое опровержение времени // Соч. в 3-х тт. Рига: Полярис, 1994. Т. 2. С. 139–155.
2. Гадамар Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
3. Горький А.М. На дне // Полное собрание сочинений. М.: Наука, 1970. Т. 7. С. 107–182.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 1. С. 59.
5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
6. Маяковский В.В. Выволакивайте будущее! // Соч. в 3-х т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 419–420.
7. Маяковский В.В. Баня // Соч. в 3-х т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 3. С. 501–548.
8. Мерло-Понти М. Сам себя созидающий Бергсон // В защиту философии. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1996. С. 169–181.
9. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. Вып. 4.
10. Муздыбаев К. Локус контроля в исследованиях массовой коммуникации // Современные методы исследования средств массовой коммуникации. Таллин: ТГУ, 1983. С. 222–225.
11. Муздыбаев К. Феноменология надежды // Психол. журн. 1999. № 3. С. 18–27.
12. Муздыбаев К. Измерение надежды // Психол. журн. 1999. № 4. С. 26–35.
13. Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психол. журн. 2000. № 2.
14. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
15. Уайтхед А.Н. Приключения идей // Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 389–702.
16. Унамуно М. де. Сонет к детству // Избранное в 2-х т. М.: Худ. лит., 1981. Т. 1. С. 32–33.
17. Шекспир У. Гамлет // Полное собрание сочинений. СПб.: Издание Брокгауза-Ефрона, 1903. Т. 3. С. 56–144.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.
19. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
20. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и значение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 27–286.
21. Cottle T.J. Perceiving Time. A Psychological Investigation with Men and Women. N. Y.: Wiley, 1976.
22. Bradley F.H. Appearance and Reality. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1925.
23. Frank L. Time Perspective // The J. of Soc. Philosophy. 1939. V. 4. P. 293–312.
24. Gurvitch G. The Spectrum of Time. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1964.
25. Hale C.S. Time Dimensions and the Subjective Experience of Time // J. of Humanistic Psychol. 1993. V. 33. P. 88–105.

26. Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. Variations in Value Orientations. Evanston, Ill: Row, Peterson and Company, 1961.
27. Lauer R.H. Temporal Man. The Meaning and Uses of Social Time. N. Y.: Praeger, 1981.
28. LeBlanc A.F. Time Orientation and Time Estimation: A Function of Age // The J. of Genetic Psychol. 1969. V. 115. P. 187-194.
29. Lens W., Moreas M.-A. Future Time Perspective: An Individual and a Societal Approach // Psychology of Future Orientation / Ed. Zaleski Z. Lublin: Towarzystwo Naukowe Kul, 1994. P. 23-38.
30. Leshan L.L. Time Orientation and Social Class // J. of Anorm. a. Soc. Psychol. 1952. V. 47. P. 589-592.
31. Levin K. Field Theory and Learning // Field Theory in Social Science. L.: Tavistock Publications, 1963. P. 60-86.
32. Mayntz R. Social Discontinuity // International Science Reviews. 1989. V. 14. № 1. P. 4-15.
33. Nuttin J. Future Time Perspective and Motivation. Leuven: Leuven Univ. Press, 1985.
34. Platt J.J., Eisenman R. Internal-External Control of Reinforcement, Time Perspective, Adjustment and Anxiety // The J. of General Psychol. 1968. V. 79. P. 121-128.
35. Rosenberg M. Self-Esteem Scale // Measures of Social Psychological Attitudes / Ed. Robinson J.P., Shaver P.R. Ann Arbor: Institute for Social Research, 1972. P. 98-101.
36. Rotter J.B. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // Psychological Monographs. 1966. V. 80. P. 1-28.
37. Schneier M.F., Carver Ch.S. Optimism, Coping and Health: Assessment and Implications of Generalized Outcome Expectancies // Health Psychology. 1985. V. 4. P. 219-247.
38. Snyder C.R., Simpson S.C., Ybasco F.C., Borders T.F., Babyak M.A., Higgins R.L. Development and Validation of the State Hope Scale // J. of Pers. and Soc. Psychology. 1996. V. 70. P. 321-335.
39. Stein K.B., Sarbin Th.R., Kulik J.A. Future Time Perspective: Its Relation to the Socialization Process and the Delinquent Role // J. of Cons. a. Clin. Psychol. 1968. V. 32. P. 257-264.
40. de Volder M. Time Orientation: A Review // Psychologica Belgica. 1979. V. 19. P. 61-79.

EXPERIENCE OF TIME IN PERIOD OF CRISIS

K. Muzdybayev

Cand. sci. (psychology), lead. res. ass., IS RAS, St. Petersburg

Time perspective, time orientation and attitudes towards past, present and future under economic crisis have been studied. The sample was 700 Ss presenting 7 social groups. The concept of "the zero time" is introduced. It was established that the majority of respondents have either very shortened time perspective or undetermined one. A lot of respondents also experience time disorientation expressed in dominant orientation on the past and uncertainty of time orientation. The Ss estimated the present as negative process and the past as positive one. Optimism, disposition hope, internal locus of control and high self-esteem significantly influence the distance time perspective and the choice of time orientation on the present and the future. The respondents oriented on the present and on the future choose mainly the effective strategies of coping with economic difficulties such as the personal adaptation, rational cognitive strategy and rational behavioral one. The respondents oriented on the past prefer ineffective passive strategies.

Key words: time perspective, time orientation, attitudes towards past, present and future, the zero time, hope, expectation, locus of control, optimism and pessimism, self-esteem, egoism, strategies of coping with life problems.